

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В XXI ВЕКЕ

Формулируются и раскрываются методологические основания культурной политики в период цивилизационного перехода, обозначившегося на рубеже XX – XXI вв. в связи с ускорением исторического времени и революции в сфере высоких технологий. Дано объяснение «отступлению культуры», обоснована дифференциация человечества по основанию «инновационность», фиксируется завершение создания человеком искусственной среды обитания, культурная политика представлена как новая управленческая практика, а культурный политик – как системный надкультурный субъект.

The author formulates and discloses methodological foundations of cultural policy during the civilizational transition marked at the turn of the 20th and the 21st centuries because of the acceleration of historical time and the revolution in the field of high tech. Also the author gives an explanation for "cultural retreat", justifies human differentiation on the basis of "innovativeness", records the completion of creation of an artificial environment by Human, presents cultural policy as a new management practice, and a cultural politician is presented as a system above-culture subject.

Ключевые понятия: культура, культурная политика, цивилизационный переход, кризис культуры, дифференциация человечества, искусственная среда обитания

Революционные изменения, происходящие в жизни современного социума, позволили С. Капице говорить о цивилизационном переходе, в который вступает человечество [5]. Безусловно, процессы изменений самих основ жизненного устройства в полной мере затрагивают и культуру как сочетание объективно усвоенных, воспроизводимых и транслируемых норм мышления и деятельности, субъективно принятых ценностей, определяющих содержание общественной жизни. Сжатие (ускорение) исторического времени таково, что культура, формирующаяся процессно, проявляющаяся в традициях, просто не успевает за изменениями. В этих условиях особую роль начинает играть культурная политика, призванная максимально смягчить конфликт традиции и новации, скорости изменений и адаптационных возможностей человека, столкновения индустриальной и инновационной цивилизаций.

Под культурной политикой мы понимаем целенаправленную, перспективно (долгосрочно) ориентированную деятельность, обеспечивающую развитие общества (его части) в рамках обоснованно отобранных и искусственно внедряемых культурных норм, пропагандируемых ценностей. Очевидно, что само стремление осуществлять культурную политику потребует глубокого анализа новых жизненных реалий и новой интерпретации ранее определенных явлений и практик. Мы предлагаем свои варианты понимания происходящего в качестве методологических предпосылок, которые целесообразно учитывать любому субъекту культурной политики в XXI в.

1. «Отступление» культуры как ключевой признак цивилизационного перехода.

Практически безальтернативное восприятие действительности, маркируемой термином *постмодернизм*, как кризиса культуры – верный признак того, что так оно и есть. При этом нам практически не встретилось работ, посыл которых выходил бы за рамки констатирующе-критической парадигмы в отношении происходящего. Мейнстрим по крайней мере социальных наук сводится к массовой критике ситуации и (правда, уже не такому мас-

совому) выписыванию «рецептов» возвращения (!). Возвращения в привычную жизнь прошлого. Тут есть все, что доступно из прошлого: от программ «сохранения семьи – ячейки общества» до введения в образовательных учреждениях основ тех или иных религий; от требований включения в школьную программу определенных литературных произведений прошлых веков до создания этнопоселений; от программ обучения этикету до формирования национального патриотизма... И ведь трудно возразить против подобных предложений в силу их очевидности для модернистского сознания как авторов, так и экспертов, выносящих оценку их проектам. И те и другие – в большинстве своем сформировались во времена культурной стабильности индустриального общества либо под влиянием инерции его систем социализации, в первую очередь – системы профессионального образования.

Между тем и экономисты, и медики знают, что кризис предполагает либо смерть, либо жизнь в новом качестве. Нет необходимости обращаться к мнению авторитетных представителей соответствующих наук, деятелей бизнеса, практикующих врачей в силу аксиоматичности понимания кризиса как «точки перехода». После кризиса не бывает как до него. Если субъект собирается выжить, он должен (именно должен) измениться, перестроиться, стать до известной степени другим. В экономических и управленческих науках кризис рассматривается как шанс, как стимул к обновлению, как этап эволюции, после которого выжившие субъекты станут «быстрее, выше, сильнее», т. е. жизнеспособнее. Попытка самоконсервации, расходование ресурсов на поддержку устаревших (но зато давно отработанных и привычных) процессов – самый неэффективный путь выживания в условиях кризиса.

Естественно, кризис – крайне неблагоприятен время для человеческой психики. Это время перемен, стрессы, неопределенность, ситуативные потери, риск «непережития». В этом смысле, кризис никогда не был и не будет явлением желанным. Неизбежен поиск вариантов смягчения протекания и последствий кризисов. Когда случаются,

например, глобальные экономические кризисы, лидеры разных стран пытаются договариваться, совместно ищут причины и пути преодоления. Однако это вторично. Первично же понимание сути кризиса как точки выбора, стоящего перед системой: либо радикальное обновление, либо гибель (разорение, подчинение, поглощение...).

Кризисы случаются не вдруг, не по чьему-то недомотру (ошибке), не потому, что кто-то плохо работал. Кризис – результат разбалансировки системы, совпадения множества частных проблем, решение которых уже невозможно без перехода в новое качество.

В случае признания наличия кризиса культуры – основы жизненного устройства общества – мы вынуждены (именно вынуждены) признать все, что было сказано выше. Кризис культуры – это не недоработка школы, не влияние компьютеров, не отсутствие интеллектуальных ТВ-передач, не уход в атеизм, не утрата красивых обрядов и памятников старины. **Современный кризис культуры – это начало цивилизационных изменений**, результат которых не ясен в силу разрушения **самых основ** представлений о жизни (или основ представлений о **самой жизни**).

С позиций современного знания культуру можно рассматривать как **программу управляемого развития человечества (человеческих сообществ), обеспечивающего его (их) жизнеспособность в ситуации парадигмальных изменений**. Можно также предположить, что заложенная где-то в глубинах социальной памяти, она в нужный момент отключается, давая возможность человеку совершить переход в новое качество, не «сковывая» его старыми ограничениями, освобождая его от своей опеки. Ведь, как справедливо указывает А. Назаретян, «механизмы, эффективно функционировавшие на прежнем этапе жизнедеятельности, на новом этапе становятся дисфункциональными» [7]. Возможно, это последнее, что могла действовать пока культура-программа сделать для человека в ситуации кризиса такого уровня. Она вела его век за веком, но войти в новую цивилизацию и, вероятно, в новую культуру он должен самостоятельно.

Но можно то же самое объяснить и по-другому. Человек, неосознанно следуя тысячелетнему опыту видового выживания в условиях глобальных изменений, **сам** отключает регуляторы, препятствующие адаптации в новых условиях, переставая подчиняться написанным правилам, отказываясь от многих ценностей прошлого. И нетрудно предположить, что расставание для очень многих будет тяжелым. А для кого-то и невозможным.

2. Дифференциация человечества по основанию «инновационность».

Очевидно, что прогнозируемая модернизация человека, вытекающая из активного развития био-, нано-, IT- и иных современных технологий [8; 9], будет, во-первых, неоднозначно воспринята различными представителями сообществ: от восторга до полного неприятия (по религиозным мотивам, внутренним моральным убеждениям, в силу страха и т. д.). Во-вторых, огромное количество населения, особенно бедных стран и слоев – а это миллиарды людей – в обозримом будущем не воспользуются новыми возможностями научно-технического прогресса просто в силу отсутствия средств на оплату соответствующих услуг. Следовательно, можно предположить все более отчетливое и ускользающее разделение человечества на большие группы:

– имеющих возможность использования новых научных достижений для интеллектуального и физиологического преобразования;

– лишенных, добровольно или вынужденно, такой возможности;

– занимающих промежуточную позицию в силу временного недостатка возможностей (ресурсов) или ситуативных сомнений в необходимости личного участия в инновационных экспериментах.

Данное разделение вовсе не обязательно будет происходить по административно-территориальному принципу – по государственным границам бедных и богатых стран. В бедных странах местная элита сможет позволить себе участие в инновационных экспериментах, в то время как в богатых странах представители социальных низов или традиционалистски настроенных групп в основном окажутся вне соответствующих процессов.

Весь комплекс витальных перспектив у первой и второй групп будет значительно различаться. Первая, в силу принципиального вписывания в историческое время за счет технологического самосовершенствования, станет локомотивом нового цивилизационного вектора развития. Вторая будет сохраняться в условно традиционных физических и ментальных пространствах. Определенное время будет и промежуточная группа, сочетающая интенции первых двух, но в силу как объективных (в первую очередь экономических), так и субъективных причин ее представители будут медленно, с отставанием интегрироваться в первую или вторую группы.

Мы не готовы рисовать конкретные картины сосуществования указанных групп, это тема специальных исследований, однако и в XX в. при относительно «медленном» научно-техническом прогрессе, и сегодня существовала и существует значительная разница между развитыми и развивающимися странами. Население первых имеет избыточное потребление, постоянно совершенствующиеся системы образования, медицины и безопасности. Население вторых балансирует на грани выживания либо вынуждено довольствоваться благами цивилизации вчерашнего дня, списанными из реестров потребления странами-лидерами. Достаточно вспомнить, что даже в XXI в. миллионы людей ежегодно умирают от голода и производных от него болезней [3].

Указанное разделение не будет иметь никакого отношения к национальным, расовым и иным признакам, но будет складываться исходя из возможностей конкретных личностей и сообществ.

3. Завершение создания искусственной среды обитания.

Говоря об искусственной среде обитания, мы имеем в виду полное вытеснение живой природы в особые экологические зоны планеты, проектирование и целенаправленное внедрение новой культуры, полностью окружающей человека.

Вплоть до завершения индустриализма человек был принципиально зависим от природы и культуры. Первое всегда было аксиоматичным, второе признавалось с известной оглядкой на рукотворность самой культуры. Однако принципиального значения разница в формах констатации такой зависимости не имеет. Выход из зависимости от природы объективно должен быть уравновешен анало-

гичным преодолением зависимости от культуры. Речь не идет о невосприимчивости к разнообразному влиянию данных сред. Но и та и другая становятся подконтрольными и проектируемыми человеком в зависимости от видения им своего настоящего и, особенно, будущего. И природа, и культура выступают по отношению к человеку как равнозначные и равнозависимые от него среды.

Этот, казалось бы, странный взгляд на культуру – ведь она и так «то, что создано человеком» – перестает быть таковым, когда мы обнаруживаем, что каждый конкретный человек и даже сообщества вовсе не могли ранее противостоять культуре. Каждый конкретный человек (творческий или научный коллектив) создавал лишь какую-то частичку культуры, причем в подавляющем большинстве случаев, в рамках существующего конкретного культурного мейнстрима – вовсе без цели эту культуру изменить или усовершенствовать. В этом смысле культура, бесконечно приобретая и утрачивая мелкие детали, эволюционирует так же как природа. «Живой системой» и даже «диким животным» называет культуру профессор, теоретик культуры Х. Мюллерман [цит. по 10]. Мы согласны с доктором К. Конса в том, что «природа и культура поменялись местами в качестве источников основных рисков для общества. У человечества появилась явная необходимость вмешаться в естественное развитие культуры и начать направлять ее в соответствии с потребностями человека» [10].

В эпоху цивилизационного перехода человек, в лице его интеллектуальных агентов, чтобы самосохраниться, вынужден стать не только надприродным, но и надкультурным существом. В ситуации хаоса для сохранения контроля ситуации ему придется (и уже приходится) целенаправленно создавать культурные прецеденты, искусственно (насилем) внедряя оптимальные культурные образцы, способствующие оптимизации социальных процессов. Культура становится естественной составляющей среды обитания, ибо нет больше «живой природы» и нет больше «стихийной культуры», но есть симбиоз имитирующих их прототипов.

4. Появление новой управленческой практики – культурная политика.

Парадоксальность такой постановки вопроса – кажущаяся. Мы не должны заблуждаться по поводу практики культурной политики, существовавшей в предшествующие исторические периоды. По сути все (или подавляющее большинство) судьбоносные исторические события, радикально повлиявшие на культуру, вовсе не замыслились их инициаторами как культурупреобразующие. Князь Владимир крестил Русь не для того, чтобы поменять культуру, но создавая основу для объединения подконтрольного населения в единый народ. Петр I реформировал Россию с чисто прагматических позиций, пытаясь преодолеть технологическое и экономическое отставание от Европы (грозящее вассальной зависимостью), не предполагая, что совершает культурную революцию. Авраам Линкольн, объявивший все штаты северной Америки свободными от рабства, тоже заботился о прагматических интересах капиталистического Севера и вряд ли воспринимал идею отмены рабства и обещавшую ее воплощение гражданскую войну как явление культурной политики.

Да и в современности крайне редко встречаются культуроформирующие проекты, которые бы предварялись анализом ценностно-нормативного состояния существующей

культуры и прогнозом (а в последующем и оценкой) ее изменений и устойчивости в своем новом состоянии по завершении проекта. «Сегодня мы можем говорить о культурной политике, скорее, как о возможной и предлагаемой, чем как об институционально-реализуемой деятельности, – пишет О. Генсаретский. – А потому в первую очередь стоит думать об условиях вживления ее в институциональную ткань общества, о формировании спроса на нее. И об отношениях между культурной политикой и о тех культурных практиках, которые могут быть инсталлированы в некоторые локусы общественной жизни для того, чтобы культурная политика могла стать реальностью культурного процесса» [2]. Всегда происходило так, что культура менялась *after the event*, благодаря социальным, экономическим или политическим преобразованиям. Но почти никогда такие преобразования не совершались благодаря изначальным изменениям культуры. То есть культурное оформление нового состояния общества происходило по факту, после реформаторских проектов в экономике, военном деле, сельском хозяйстве и иных реальных секторах общества. Происходящие в XXI в. перемены актуализируют потребность в культурной политике как самостоятельной управленческой практике, имеющей определенную технологию и осуществляемую профессионально.

Искусство культурной политики заключается в сохранении разнообразия в процессе упорядочивания социокультурной ситуации.

Разнообразие обеспечивается запретом на безвозвратное устранение из социальной памяти ранее накопленных культурных модификаций. Упорядочивание осуществляется путем экспертизы и регулирования активности разнообразных культурных явлений (от минимизации – вплоть до перевода в музейные форматы – до оптимального внешнего стимулирования). В данном случае остается справедливым указание Макса Вебера на то, что «наш интерес к тем феноменам, которые выступают перед нами в качестве явлений культуры, всегда связан с их *культурным значением*, возникающим вследствие отнесения их к самым различным ценностным идеям. Поэтому так же, как существуют различные “точки зрения”, с которых мы можем рассматривать явления культуры в качестве значимых для нас, можно руководствоваться и самыми различными принципами отбора связей, которые надлежит использовать для создания идеального типа определенной культуры» [1, с. 582].

В более узком смысле искусство культурной политики – это способность гармоничного сочетания разных методов, использование возможностей различных моделей упорядочивания социокультурной ситуации без подрыва воспроизводственного потенциала поддерживаемой культуры:

– административное регулирование (вплоть до прямых запретов) обращения к тем или иным культурным образцам;

– мягкое влияние на те или иные социальные группы с целью стимулирования или прекращения обращения последних к тем или иным культурным образцам;

– ситуативное самоустранение от вмешательства в текущие культурные процессы в случае оптимальности их естественного протекания.

История знает огромное количество примеров, когда неумелые вмешательства в культуру приводили к резуль-

татам прямо противоположным целевым установкам политиков. Типичный пример – Союз Советских Социалистических Республик. Огромные возможности осуществления здесь культурной политики были сведены на нет безыскусным администрированием, прямолинейной агитацией, неприкрытым навязыванием. Такая административная «культурная политика» не просто возбуждала интерес к «запретным плодам» и рождала скепсис в отношении собственного официоза. В стратегическом плане она не позволяла сформироваться иммунитету к инокультурным влияниям, что привело к моментальному вытеснению советской культуры западной, как только приоткрылся «железный занавес».

5. Культурный политик – системный надкультурный субъект.

Неверно представлять культурного политика некоей демонической личностью, возмнившей себя Господом Богом. В эпоху усложнения коммуникаций он, скорее, системный субъект, интегрирующий различные функциональные позиции, вполне возможно, занимаемые, в силу разной специализации, разными людьми (об этом далее).

При этом культурный политик обладает особой подготовкой и волевыми качествами, позволяющими ему осуществлять свою миссию. Фундаментальные отличия культурного политика от иных людей и коллективных субъектов, в том числе теоретиков социальных наук, деятелей и работников культуры (практиков), заключаются в следующем.

Во-первых, не только в готовности и способности создавать образ будущего, но и добиваться его материали-

зации, воплощения в жизни. Ибо воля к действию встречается редко. Как писал Т. Лессинг «в любом маленьком университете найдутся дюжины две ученых, которые знают о жизни и душе больше, чем Лютер, Бисмарк и Наполеон вместе взятые, и знают о Лютере, Наполеоне и Бисмарке больше, чем те сами могли знать о себе; но от этого они не стали ни Лютерами, ни Наполеонами, ни Бисмарками!» [6, с. 402].

Во-вторых, в способности «выйти» из собственной культуры, умении проникать в другие культуры, «подниматься» над культурами. Отсюда не следует, что субъект (человек) изначально отвергает свою культуру, ту, носителем норм и ценностей которой является в силу своей судьбы. Вполне вероятно, что именно его культура может быть предпочтительнее других. Однако именно умение отстраниться, казалось бы, от неотделимого, способность по крайней мере понять (если не принять) иное во всем его мозаичном многообразии – ключевое качество культурного политика периода цивилизационного перехода. В противном случае у него просто не будет достаточного количества образцов для определения содержания новой культуры (или обоснования для поддержки существующей). **Культурный политик – путешественник по разным культурам.** Путешествуя по разным культурам, как турист по разным странам, культурный политик от чего-то категорически отказывается, а что-то стремится непременно заимствовать.

Вполне вероятно, будут представлены и другие методологические основания культурной политики. Однако приведенные выше уже позволяют осуществлять ее более эффективно.

1. Вебер, М. «Объективность» познания в области социальных наук и социальной политики / М. Вебер // *Культурология. XX в.: антол.* – М.: Юрист, 1995. – С. 557–603.
2. Генисаретский, О. Культурная политика: не сегодня, скорее завтра [Электронный ресурс] / О. Генисаретский. – Режим доступа: <http://www.rusrev.org/content/review/default.asp?shmode=8&ida=2103&ids=157>, свободный. – Загл. с экрана.
3. Дейченко, П. XXI в.: история не кончается. Ч. 2. Тупики и пропасти [Электронный ресурс] / П. Дейченко. – Режим доступа: <http://www.slovofera.ru/global/twf12.html>, свободный. – Загл. с экрана.
4. Демография голода и его «творческий» путь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.likar.info/coolriearth/article-35330-demografiya-goloda-i-ego-tvorcheskiy-put/>, свободный. – Загл. с экрана.
5. Капица, С. Пружина времени сжимается [Электронный ресурс] / С. Капица. – Режим доступа: http://finalbible.com/books_articles/world7spring_time.html, свободный. – Загл. с экрана.
6. Лессинг, Т. Шопенгауэр. Вагнер. Ницше / Т. Лессинг // *Культурология. XX в.: антология.* – М.: Юрист, 1995. – С. 399–431.
7. Назаретян, А. П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории (синергетика – психология – прогнозирование) [Текст]: пособ. для вузов / А. П. Назаретян. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М., 2004. – Режим доступа: <http://www.evolbiol.ru/nazaretvan03.htm>, свободный. – Загл. с экрана.
8. Российское трансгуманистическое движение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/61/66/>, свободный. – Загл. с экрана.
9. Россия 2045. Стратегическое общественное движение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://2045.ru/>, свободный. – Загл. с экрана.
10. Konsa, K. Artificialisation Of Culture: Challenges to and from Posthumanism / K. Konsa // *Jornal of Evolution & Technology.* – Vol. 17. Issue 1. – March, 2008. – P. 23–35. – URL: <http://ietpress.org/v17/konsa.htm>.